

ЭМОТИВНАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ В ЛИЦЕУГРОЖАЮЩИХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Т. В. Ларина

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Поступила в редакцию 02.05.2024 г.

Принята к публикации 15.01.2025 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-7

Дискурсивный подход к изучению вежливости расширил сферу ее исследования, включив в нее не только говорящего, но и слушающего, а также контекст их взаимодействия, который определяет различные аспекты коммуникации, в том числе и эмоциональный аспект. Вежливость рассмотрена в статье, продолжающей изучение эмотивной вежливости, направленной на чувства адресата, через призму эмоциональной составляющей коммуникации. В центре внимания — лицеугрожающие речевые акты (Face Threatening Acts). Цель исследования — выявить в английской и русской академической электронной коммуникации средства смягчения отказа, ориентированные на оказание эмоциональной поддержки адресату, и проследить их этнокультурную вариативность. Материалом послужили аутентичные электронные письма на русском и английском языке, содержащие отказ на просьбу написать рецензию на статью и отказ на приглашение участвовать в спецвыпуске журнала. Проанализированы структура отказа, способы его выражения, а также поддерживающие ходы, нацеленные на его смягчение, их комбинация и конвенциональность. Сопоставительный анализ проведен с опорой на основные положения эмотивной лингвоэкологии, кросс-культурной прагматики, теории (не)вежливости и коммуникативной этностилистики. Принимая во внимание тот факт, что каждое письмо может иметь свои особенности, предопределяемые идиостилем и психологическими характеристиками автора, а также конкретным контекстом, мы выявили некоторые культурно-специфичные черты. Согласно полученным данным, английские письма в большей степени ориентированы на смягчение отказа и его негативного эффекта на чувства адресата и, таким образом, на сохранение лица, чем русские, что проявляется в структуре отказа, способах его выражения, поддерживающих ходах и стратегиях вежливости. Результаты подтверждают, что вежливость — это не только социальный, но и психологический феномен, основанный на эмпатии и такте. Проявления эмотивной вежливости и ее востребованность могут различаться в зависимости от культуры и разделяемых ее носителями ценностей.

Ключевые слова: эмотивная вежливость, лицо, лицеугрожающий речевой акт, отказ, эмотивная чувствительность, такт, английский язык, русский язык

1. Введение

В последнее время исследователи все чаще говорят о необходимости эмоциональной / эмотивной чувствительности в коммуникации. Теоретики эмотивной лингвоэкологии призывают общающихся бережно

относиться к чувствам друг друга, «ориентировать свои эмоции на позитив во всех видах общения и противостоять негативному эмоционально-аффективному воздействию источника информации на получателя» (Шаховский, 2018, с. 71). По их мнению, каждое сообщение должно обладать терапевтическим воздействием на адресата, а не быть направленным на его эмоциональное травмирование (Шаховский, 2016, с. 33). В результате в процессе коммуникации необходимо стремиться к тому, чтобы даже негативная информация была представлена позитивно в целях смягчения ее отрицательного эффекта на эмоциональное состояние адресата.

Эмотивная лингвоэкология во многом пересекается с теорией вежливости, которая благодаря дискурсивному подходу расширила поле своего исследования и наряду с говорящим включила в него адресата и контекст их взаимодействия (Eslami et al., 2023; Locher, Larina, 2019; Rhee, 2023; Watts, 2003 и др.). Как отмечалось ранее (Ларина, 2019), их объединяют антиконфликтная направленность, нацеленность на гармоничное общение, отказ от эгоцентрической модели поведения и ориентация на другого — на его желания, качества, мнения и чувства, которым должен отдаваться приоритет. Тесная взаимосвязь вежливости с эмоциями позволяет выделять эмотивную вежливость как отдельный объект исследования, в фокусе которого находится эмоциональный компонент коммуникации.

Как и вежливость в целом, эмотивная вежливость обладает этнокультурной спецификой. Нами уже рассматривалась эмотивная вежливость в жанре научной рецензии на статью (Там же; Larina, Ponton, 2020; 2022). Данное исследование продолжает изучение эмотивной вежливости в академическом дискурсе на примере отказа, который, как и критика, относится к лицеугрожающим речевым актам (РА)¹. Материалом послужили аутентичные электронные письма, содержащие отказ на просьбу написать рецензию на статью и отказ на приглашение участвовать в спецвыпуске журнала.

Цель исследования — выявить в английской² и русской электронной академической коммуникации средства смягчения отказа, нацеленные на оказание эмоциональной поддержки адресата, и определить их культурно-специфичные особенности. В центре внимания — структурные компоненты отказа, средства смягчения его перлокутивного

¹ В отечественной лингвистике встречается термин «лицоугрожающий акт», однако данный перевод не представляется вполне удачным, так как речь идет именно о лице как социальном имидже, а не лике, который не является семантическим эквивалентом и употребляется в иных контекстах. В процессе коммуникации мы можем сохранить или потерять именно лицо, а не лик, как и упасть лицом в грязь. Мы предлагаем термин «лицеугрожающий» по аналогии с «нелицеприятный».

² Термин *английский* здесь и далее употребляется в широком смысле и равнозначен термину *Anglo* (Wierzbicka, 2006), который охватывает основные варианты английского языка и равнозначен термину «англосаксонский».

эффекта, этнокультурные особенности выражения эмотивной вежливости и их влияние на функционально-стилистические характеристики письма-отказа в сопоставляемых культурах.

2. Эмотивная лингвоэкология, эмотивная коммуникация и эмотивная вежливость

Как уже было отмечено, эмотивная лингвоэкология во многом пересекается с теорией вежливости нацеленностью на гармоничное общение, позитив и бережное отношение собеседников к чувствам друг друга. Одним из основных параметров эмотивной экологичности является «этичность в трансляции эмотивных смыслов», реализуемая через «баланс отрицательного и положительного модусов эмотивности» (Солодовникова, 2013, с. 45), из чего следует, что позитивный модус должен присутствовать даже при передаче адресату негативной информации. Вежливость также связана с этикой поведения, которая касается не только социального имиджа собеседника, но и его чувств и эмоций. Эмоции, как правило, регулярно сопровождают невежливую и грубую коммуникацию (Culpeper, 2011) в ситуации конфликта, однако и в неконфликтной ситуации их может вызвать недостаточное внимание к чувствам адресата или неучет его интересов.

Рассматривая эмоциональный аспект коммуникации, следует различать *эмоции* и *эмотивы*, а также *эмоциональную* и *эмотивную коммуникацию* (Janney, Arndt, 1992; Ларина, 2009). В эмоциональной коммуникации аффективные проявления являются спонтанными, незапланированными физиологическими выражениями внутренних состояний, в то время как в эмотивной они используются стратегически в широком спектре социальных ситуаций с целью повлиять на восприятие и интерпретацию коммуникативных действий другими. Эмотивная коммуникация — это эмоции для других, которые выражаются с определенной коммуникативной целью. В нашем случае — с целью обеспечить позитивное эмоциональное состояние собеседника, что удачно передается формулой «Я хочу, чтобы ты чувствовал себя хорошо» (I want you to feel good) (Wierzbicka, 2003)³. Другими словами, эмотивная коммуникация — это проявление такта, который противостоит искренности, лежащей в основе эмоциональной коммуникации.

Ориентированность на чувства адресата, эмоциональная / эмотивная⁴ чувствительность к адресату и его лицу — важные составляющие вежливого взаимодействия. Исследователи вежливости предписывают усиливать и даже преувеличивать интерес, одобрение, симпатию к собеседнику (Brown, Levinson, 1987; Ларина 2009), чтобы вызвать у него

³ Ориентированность на чувства собеседника как одно из правил вежливости (Make A feel good) было сформулировано ранее Р. Лакофф (Lakoff, 1973).

⁴ Здесь и далее используется сдвоенный термин, поскольку речь идет об эмотивных действиях говорящего, нацеленных на поддержание эмоционального состояния слушающего.

позитивные эмоции. Ставить эмоции собеседника выше собственных Дж. Лич называет среди компонентов общей стратегии вежливости (Leech, 2014, p. 91; Leech, Larina, 2014, p. 18).

Тесная взаимосвязь эмоций и вежливости позволяет говорить об *эмотивной вежливости*, которую можно определить как эмоциональную / эмотивную чувствительность, ориентированность на чувства других, этичность в проявлении собственных чувств и эмоций, оказание коммуникативной поддержки собеседнику (Ларина, 2019, с. 41). Речь идет об эмоциональной / эмотивной поддержке собеседника, о желании вызвать у него положительные эмоции, а в случае необходимости совершить нежелательный для него акт, снизить его отрицательное воздействие на адресата. Таким образом, если категория вежливости в целом выступает регулятором коммуникативного поведения (Ларина, 2009, с. 166), то эмотивная вежливость является регулятором эмоционального взаимодействия. Она ориентирована на позитивную коммуникацию, которую исследователи определяют как «благоприятную, эффективную, конструктивную, выражающую положительную интенцию, оптимизм, психологическую поддержку собеседника, настрой на положительный исход общения, прогресс и развитие» (Леонтович, 2015, с. 167). Эмотивная вежливость во многом пересекается с позитивной вежливостью, направленной на сокращение дистанции и «удовлетворение желания каждого быть замеченным, понятым, услышанным, любимым» (Ларина, 2009, с. 308), однако она не ограничивается ею, что особенно наглядно проявляется в лицеугрожающих РА.

3. Лицеугрожающие речевые акты

Лицо как социальный имидж — важное понятие социолингвистики и теории вежливости. Будучи уязвимым, оно требует постоянного к себе внимания в коммуникации. В бесконфликтном общении собеседники вступают в сотрудничество и стараются поддержать лицо друг друга, совершая различные действия (facework). Развивая понятие «лицо» (Goffman, 1967), Браун и Левинсон (Brown, Levinson, 1987) выделяют два типа лица, соотносимых с желаниями человека: *негативное лицо* как желание / потребность быть свободным в действиях, независимым, и *позитивное лицо* как потребность быть желаемым (Ibid., p. 62). Другими словами, позитивное лицо ориентировано на стремление к сближению, негативное — на независимость и дистанцирование. Действия, которые противоречат данным желаниям, исследователи называют «угрожающими лицу актами» (Face Threatening Acts) (Ibid.; Kasper, 2009; Leech, 2014; Watts, 2003 и др.). Для сохранения лица и поддержания эмоционального комфорта нацеленные на сотрудничество участники взаимодействия используют соответствующие стратегии вежливости.

Проявление эмотивной вежливости рассматривалось в жанре анонимной рецензии на научную статью в английской (англосаксонской) и русской коммуникативных культурах (Ларина, 2019; Larina, Ponton, 2020; 2022). Были выявлены этнокультурные особенности, свидетельст-

вующие о разной востребованности эмотивной вежливости в сопоставляемых культурах. Авторы английских рецензий предпринимают значительные коммуникативные усилия для смягчения негативное воздействие своей критики / отказа на анонимного адресата и оказания ему эмоциональной поддержки. Русскоязычные рецензенты, напротив, концентрируют свое внимание в большей степени на качестве рецензируемой статьи и демонстрируют меньшую эмоциональную чувствительность к ее автору.

Отказ является лицеугрожающим РА, так как может означать неодобрение намерений собеседника и, следовательно, нести угрозу его позитивному лицу. Он также означает нежелание говорящего сотрудничать, его нацеленность не на сближение, а на дистанцирование, что угрожает как лицу адресата, так и его собственному. Таким образом, отказ — это нежелаемый РА, который угрожает позитивному и негативному лицу обоих собеседников. В результате в его выражении могут быть задействованы стратегии как позитивной вежливости, которые показывают, что адресант учитывает интересы адресата и в некотором отношении желает того же, что и он (*Я бы с радостью, но...*), так и негативной вежливости (*Извините, у меня другие планы*). Их комбинация смягчает негативный перлокутивный эффект отказа и минимизирует взаимную потерю лица.

Отказ может выражаться прямо (*Я отказываюсь; Я не могу*) или косвенно (*К сожалению, очень занят*), а также сопровождаться другими действиями, или сопровождающими поддерживающими актами, ходами ('supportive moves') (Leech, 2014; House, Kádár 2021), которые самостоятельно отказ не выражают, но смягчают его. В результате отказ рассматривается как сложный РА, который, помимо основного, может включать и поддерживающие лицо ходы (извинение, сожаление, благодарность и т. д.).

Большую роль в реализации отказа играет контекст — как социальный, так и культурный. Как и другие РА, отказ имеет свою культурную специфику из-за различий в ценностях, в типе взаимоотношений и в понимании вежливости, которая проявляется в степени прямолинейности / косвенности, в структуре отказа, а также в использовании стратегий вежливости, нацеленных на его смягчение (Deveci, Midraj, 2021; Iliadi, Larina; 2017; Litvinova, Larina, 2023; Malyuga, McCarthy, 2021; Wierzbicka, 2003 и др.).

В настоящей статье отказ исследуется в электронной академической коммуникации с целью выявления потенциальных языковых и социокультурных различий в его реализации в русском и английском (англо-саксонском) контекстах.

4. Материал и методология исследования

Материалом исследования послужили аутентичные письма-отказы (общее количество — 80), поступившие в редакцию журнала *Russian Journal of Linguistics* в 2021–2023 годах от российских, британских, аме-

риканских, канадских и австралийских ученых, то есть носителей русского и основных вариантов английского языка. На данном этапе национальные варианты английского языка не дифференцировались. Мы посчитали это допустимым по двум причинам: (1) английский язык, являясь основным языком международной коммуникации в различных сферах, включая академическую, стал в значительной степени универсальным; (2) варианты английского языка, принадлежащие к внутреннему кругу ('inner circle'), базируются на общих ценностях, которые отражаются в речевых практиках их носителей (Wierzbicka, 2006).

Рассматривались два типа отказов — отказ на просьбу написать рецензию на статью и отказ на приглашение прислать статью для спецвыпуска журнала. При общей схожести данные ситуации имеют некоторые различия: в первом случае это достаточно трудоемкая просьба, в выполнении которой заинтересован журнал, во втором — приглашение, бенефициарами которого являются как журнал, так и автор. В обоих случаях редакция журнала ожидает положительный ответ как свидетельство желания рецензента / автора к сотрудничеству. В то же время не исключается, что у предполагаемого рецензента / автора может не оказаться времени или возможности выполнить просьбу либо принять приглашение. В какой форме он делает отказ имеет большое значение, так как в нем содержится эксплицитная либо имплицитная информация об отношении к редактору, редколлегии и журналу в целом, о (не)желании дальнейшего сотрудничества.

В центре исследования — средства смягчения перлокутивного эффекта отказа в русских и английских письмах и ориентированность на эмоциональную / эмотивную поддержку адресата. Сопоставлялись структура писем, способ выражения отказа как основного акта, а также сопровождавшие его прагматические, или «поддерживающие», ходы. Также обращалось внимание на стратегии вежливости, длину речевого фрагмента, выражающего отказ, и его стилистические характеристики. Хотя нами осуществлялся как качественный, так и количественный анализ, мы не приводим точных количественных результатов (на данном этапе они находятся на стадии уточнения) и ограничиваемся лишь выявленными тенденциями. При отборе материала учитывался тот факт, что степень лаконичности / развернутости отказа, как и его стиль, могут зависеть от ряда контекстуальных факторов, однако основной акцент в исследовании был сделан на влиянии социокультурного контекста.

Исследование опирается на основные положения эмотивной лингвозоологии (Ионова, 2015; Солодовникова, 2013, Шаховский, 2016; 2018 и др.), кросс-культурной прагматики (House, Kádár, 2021; Wierzbicka, 2003 и др.), теории (не)вежливости (Brown, Levinson, 1987; Culpeper, 2011; Kasper, 2009; Leech, 2014; Leech, Larina, 2014; Rhee, 2023; Watts, 2003 и др.) и коммуникативной этностилистики (Ларина, 2007; 2009; House, 2006; Larina, 2015; Selting, 2009). В нем имеется ряд ограничений, касающихся объема эмпирического материала и отсутствия результатов количественного анализа.

5. Результаты анализа

Проведенный анализ позволил выявить три основных типа реакций на просьбу / приглашение:

- 1) отсутствие ответа;
- 2) краткий информативный ответ-отказ;
- 3) развернутый ответ-отказ.

Отсутствие ответа является проявлением невежливости в обеих культурах, поскольку означает, что просьба / приглашение, а значит и сам адресант, оказались проигнорированными, незамеченными. Хотя мы пока не обладаем точными количественными данными, в целом результаты показывают, что отсутствие ответа на просьбу / приглашение чаще наблюдается в русской коммуникативной культуре, чем англосаксонской. Кроме того, русские в большей степени склонны к краткому информативному ответу, в то время как представители англосаксонской культуры — к развернутому, содержащему большее количество поддерживающих ходов, совершаемых для эмоциональной / эмотивной поддержки адресата.

5.1. Анализ английского материала

В английских текстах прямой отказ с перформативным глаголом (*I refuse*) не был замечен. В ряде случаев встретились высказывания с глаголом *decline*, который обладает более мягкой семантикой:

- (1) *I have to decline your invitation.*

[Я вынужден отклонить ваше приглашение.]

Также имели место прямые неперформативные высказывания о невозможности выполнить просьбу (*I cannot / I am unable* 'я не могу'), как правило, в сочетании с сожалением, объяснением причины и извинением:

- (2) *I do apologize, but unfortunately, I am unable to take on this review work. I am too loaded up with tasks.*

[Я приношу свои извинения, но, к сожалению, я не могу взяться за эту рецензию. Я слишком загружен другими заданиями.]⁵

Помимо сожаления, извинения и объяснения причины в английских письмах регулярно встречались и другие прагматические ходы, реализующие стратегии позитивной вежливости. Поскольку они ориентированы на поддержание позитивного лица адресата и их прагматическая цель — «Я хочу, чтобы ты чувствовал себя хорошо» (*I want you to feel good*), их можно назвать эмотивными ходами.

⁵ Здесь и в дальнейшем мы преднамеренно даем буквальный перевод примеров с целью сохранить их особенности.

Наиболее конвенциональными среди них являются:

- благодарность за приглашение дать рецензию на статью:

(3) *Thank you for your invitation.* [Спасибо за приглашение.]

- желание помочь / выполнить просьбу:

(4) *Normally I would be only too willing to help.* [Обычно я бы с радостью помог.]

- выражение желания сотрудничать в будущем:

(5) *Another time feel free to call on me.* [В другой раз смело обращайтесь ко мне.]

- позитивная эмоциональная оценка:

(6) *I am honored to be asked to review this manuscript, and the title is very intriguing.*

[Для меня большая честь получить приглашение рецензировать эту рукопись, и ее название очень интригующее.]

В результате комбинации перечисленных ходов английское письмо-отказ, как правило, представляет собой многокомпонентный текст, отличающийся позитивной тональностью, что сводит до минимума его возможный негативный эффект. Наиболее частотными оказались пятикомпонентные письма-отказы, содержащие:

- сожаление + отказ + объяснение причины + благодарность + желание последующего сотрудничества:

(7) *Unfortunately, I am unable to review the submission to your journal at this time. I have far too many prior commitments. Thank you for thinking of me, and another time feel free to call on me.*

[К сожалению, в настоящее время я не смогу дать рецензию на статью в ваш журнал. У меня слишком много предыдущих обязательств. Спасибо, что подумали обо мне, и в другой раз смело обращайтесь ко мне.]

Возможны и более сложные письма с добавлением позитивной оценки:

(8) *Thank you for considering me as a potential reviewer of this manuscript. Normally I would be only too willing to help but just at the moment, and for the next six weeks, I am too loaded up with tasks and unfortunately, I am unable to take on this review work. Thank you for thinking of me, and another time feel free to call on me.*

[Благодарю вас за рассмотрение меня в качестве потенциального рецензента этой рукописи. Обычно я был бы очень рад помочь, но сейчас и в последующие шесть недель я слишком загружен и, к сожалению, не могу взять на себя это рецензирование. Спасибо, что подумали обо мне, и в другой раз смело обращайтесь.]

Интересно отметить, что в (8) благодарность выражена дважды — в начале и в конце письма, что типично для английского письма-благодарности. Здесь же мы встречаем ее в ответе на просьбу.

Отказ на приглашение прислать статью имеет практически те же структурные компоненты, однако извинение выражается реже, а на первое место выходит благодарность, которая часто удваивается. Кроме того, степень экспрессивности здесь выше, что создается за счет оценочных лексем, усиливающих позитивное воздействие на адресата (*it is indeed an honor, I feel honored, interesting invitation, very much appreciated* и др.):

(9) *Thank you for considering me as a potential contributor to the volume. It is indeed an honor. However, I feel a bit overextended at the moment with one book project. I simply don't think it is feasible at this time to add another project to my schedule at the moment. Thank you again for your consideration and apologies that I cannot accept your invitation at this time.*

[Спасибо, что рассматриваете меня как потенциального автора этого выпуска. Это действительно честь для меня. Однако сейчас я чувствую себя немного перегруженным одним книжным проектом. Я просто не думаю, что сейчас возможно добавить еще один проект в мое расписание. Еще раз благодарю вас за внимание и прошу прощения за то, что в этот раз я не могу принять ваше приглашение.]

Из новых прагматических ходов в данном типе отказа встречается пожелание успехов (*Good luck with this project* 'Удачи с Вашим проектом').

Были замечены и стратегии негативной вежливости, реализуемые через модальность, что придает отказу неуверенность и снижает его категоричность:

(10) *I simply do not think I will be able to squeeze in one more article in 2024.*

[Я просто не думаю, что смогу «втиснуть» еще одну статью в 2024 год.]

5.2. Анализ русского материала

Анализ русских писем позволил выявить существенные различия между отказом написать рецензию и отказом прислать статью в спец-выпуск.

Отказ написать рецензию в большинстве случаев выражается прямо с использованием глагола *отказаться*. При этом он в некоторой степени смягчается причастием *вынужден/а*, показывающим, что автор письма принимает данное решение не по своей воле. В данном типе писем это основная модель отказа, которая сопровождается объяснением причины:

(11) *В силу большой занятости я вынуждена отказаться от рецензирования статьи «.....».*

Встречаются также отказы с модальным глаголом с отрицанием (*не могу / не смогу*), сопровождаемые сожалением:

(12) *К сожалению, не смогу написать рецензию, потому что не считаю себя экспертом в данной области.*

В итоге в русских письмах в данном контексте были выделены следующие двух и трехкомпонентные модели отказа:

- отказ + объяснение причины;
- сожаление + отказ + объяснение причины.

Наиболее частотна по предварительным данным трехкомпонентная модель:

(13) *С сожалением **вынужден отказаться** от предложенной мне функции эксперта, так как мне не хватает компетенции в данной области.*

Извинение и/или выражение желания к дальнейшему сотрудничеству встречалось лишь в единичных случаях (14). Позитивной оценки в виде благодарности, а также выражения желания помочь замечено не было.

(14) *Приношу свои извинения, но я **вынуждена отказаться** от рецензирования рукописи по объективной причине. Надеюсь, что в следующий раз у меня будет такая возможность.*

Отказы на приглашение прислать статью в целом строятся по той же модели. Однако в них заметна большая экспрессивность в выражении сожаления (*очень сожалею, к большому сожалению, к моему величайшему сожалению*), меньшая прямолинейность и употребление более разнообразных средств смягчения отказа:

(15) *К **большому сожалению**, в ближайшее время мне не удастся прислать статью в ваш специальный выпуск. Сейчас **очень много** поручений и обязательств, которые необходимо завершить, поэтому я не успею подготовить статью в срок.*

Помимо сожаления, в значительном количестве отказов на приглашение содержатся извинение и/или благодарность:

(16) *Спасибо за приглашение. К **сожалению**, напряженный график не позволяет мне его принять. **Прошу прощения** и **очень сожалею**.*

Выражение желания дальнейшего сотрудничества было замечено в единичных случаях в реплике прощания (*С надеждой на будущее сотрудничество*).

Таким образом, в отказе на приглашение русские авторы предпринимают больше коммуникативных усилий, нацеленных на смягчение отказа и оказание адресату эмотивной поддержки, чем в отказе написать рецензию, что проявляется в большей степени экспрессивности, эмотивности и длине письма. Однако по данным показателям они по-прежнему значительно уступают английским.

6. Обсуждение результатов

Результаты подтверждают, что в обоих культурных контекстах отказ — это сложный РА, который, как правило, состоит из двух, трех и более компонентов, выражающих причину отказа, сожаление, извинение, благодарность и др. Данные прагматические ходы совершаются для реализации стратегий вежливости и ослабления негативного перлокутивного эффекта. Однако интенсивность коммуникативных уси-

лий, нацеленных на смягчение отказа, в английских письмах значительно выше, чем в русских, что проявляется как на уровне лексики, так и в выборе и количестве поддерживающих ходов, и в результате — в стилистических чертах письма-отказа.

Хотя ни в английских, ни в русских письмах не был замечен прямой отказ в виде глагола *отказаться* в перформативном употреблении, в русских встречаем *Я вынужден/а отказаться*, в то время как в английских вместо *I have to refuse* употребляется *I have to decline* («вынужден отклонить»). Семантические различия между данными глаголами весьма существенны: по данным словарей *refuse* означает прямолинейный отказ, *decline* — вежливый отказ⁶.

Важно отметить, что в английских письмах делается меньше различий между отказом на просьбу, которая скорее обременительна, и отказом на приглашение, которое может быть выгодно и адресату. В обоих случаях отказ сопровождается благодарностью и позитивной оценкой:

(17) *Thank you for your email. I am honored to be asked to review this manuscript.*

[Спасибо за ваше письмо. Для меня большая честь получить приглашение рецензировать эту рукопись.]

(18) *Thank you for considering me as a potential contributor to the volume. It is indeed an honor.*

[Спасибо, что рассматриваете меня как потенциального автора этого выпуска. Это действительно честь.]

Можно предположить, что в английском контексте благодарность за обращение с просьбой — это скорее не семантическая формула благодарности, а в некоторой степени десемантизированный знак вежливости, который прагматически является позитивным сигналом адресату с целью вызвать у него приятные чувства. Этой же цели служит и позитивная эмоциональная оценка (*I am honored / It is an honor*). В английском отказе на приглашение прислать статью совершаются те же ходы, что и в отказе на просьбу, но с большей степенью конвенциональности и экспрессивности. При этом извинение здесь выражается реже, а на первое место выходит благодарность, которая практически в каждом письме выражается дважды. Возможно, это объясняется тем, что приглашение обладает меньшей иллокутивной силой, чем просьба, и в данной ситуации автор письма-отказа является не только исполнителем действия, в котором заинтересован адресат, но и его бенефициаром, что побуждает его в меньшей степени извиняться за непринятие приглашения, а больше благодарить за предоставленную возможность.

Анализ русских писем выявил большую зависимость от контекста. В отказе на просьбу благодарность в них практически отсутствует, что логично, так как русские, как правило, «благодарят за что-то», то есть должен быть объект благодарности (Ларина, 2009, с. 347), а просьба к таким объектам не относится. Извинение, хотя и встречается, не является конвенциональным ходом. Наиболее регулярные компоненты от-

⁶ Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, 2002.

каза на просьбу — сожаление и объяснение причины. В английском отказе, как было показано, этого недостаточно, там необходимы дополнительные коммуникативные действия в виде благодарности, позитивного отношения к просьбе, желания ее выполнить, заверения в готовности это сделать в будущем и т.д. Поскольку написание рецензии — это скорее обременяющий акт, данные ходы — это знаки эмотивной вежливости, свидетельствующие о стремлении максимально уменьшить негативное воздействие отказа и оказать адресату эмоциональную поддержку. Как показал анализ, русские отказы на приглашение в большей степени, чем отказы на просьбу, похожи на английские и также содержат извинение и благодарность, однако уступают английским как по количеству реплик, так и по их экспрессивности и конвенциональности.

Таким образом, как свидетельствуют полученные результаты, русские в большей степени ориентированы на сохранение своего лица и в меньшей степени — на лицо и эмоции адресата. В отказе для них важно объяснить причину невозможности выполнить действие и выразить сожаление. В английских письмах наблюдается ориентированность автора не только на сохранение своего лица (сожаление и объяснение причины), но и на поддержание позитивного лица адресата, выражаемое через благодарность, позитивную оценку, намерение сотрудничать и др. Данные ходы используются для реализации стратегий позитивной вежливости и являются своего рода коммуникативными подарками адресату. В результате в английских письмах мы наблюдаем «баланс отрицательного и положительного модусов эмотивности» (Солодовникова, 2013, с. 45), который в русских письмах-отказах соблюдается менее строго.

Проведенный сопоставительный анализ выявил те же особенности, что были отмечены и в отказе принять статью к публикации в жанре рецензии (Larina, Ponton, 2020; 2022), и в исследованиях отказа в бытовом дискурсе (Iliadi, Larina, 2017; Litvinova, Larina, 2023). Представляет интерес тот факт, что они также соотносятся с ранее выделенными чертами английского и русского стилей коммуникации (см. подробно: Ларина, 2009). Как показал анализ, английские письма-отказы характеризуются большей косвенностью, эмотивностью, ориентированностью на форму и на лицо как адресанта, так и адресата, что в целом характерно для английского стиля коммуникации. Русские письма, напротив, отличаются большей прямолинейностью, меньшей эмотивностью, ориентированностью на содержание и лицо адресанта. Кроме того, английские письма-отказы более многословны, экспрессивны и позитивны, для них характерна большая ритуализованность и меньшая зависимость от контекста. Русские письма-отказы более лаконичны, информативны и демонстрируют значительную зависимость от контекста.

А. Вежбицкая, анализируя кросс-культурные различия в выражении отказа в иврите, американском английском и японском, отмечает, что, если в израильской культуре прямолинейность в отказе приветствуется и можно ограничиться однословным «нет», то в американской этого недостаточно и надо обязательно «сказать что-то еще»; в то время

как в ориентированной на сохранение гармонии японской культуре прямое «нет» недопустимо и вместо него «надо сказать что-то другое» (Wierzbicka, 2003, p. 92–93). Что касается русского отказа, то, судя по результатам наших исследований, он, помимо прямого «нет», предполагает «что-то еще», но этого *еще* требуется не так много.

Результаты позволяют в очередной раз проследить зависимость выявленных особенностей от культурных / коммуникативных ценностей, которые определяют стратегии вежливости и формируют этнокультурные стили коммуникации. Они показывают, что, как справедливо отмечает Г. Каспер (Kasper, 2009), хотя такт и вежливость являются универсалиями человеческого поведения, что считать тактичным и при помощи каких языковых и коммуникативных / стратегических средств такт реализуется, представляется культурно вариативным из-за различий в способах организации социального взаимодействия (Kasper, 2009, p. 162).

7. Заключение

Принимая во внимание тот факт, что текст письма-отказа может иметь индивидуальные особенности, мы тем не менее выявили некоторые культурно-специфичные черты отказа. Результаты показали, что в обоих лингвокультурных контекстах отказ представляет собой сложный РА, который состоит из нескольких компонентов, поддерживающих ходов, нацеленных на смягчение его негативного воздействия на адресата. Однако английские письма в большей степени ориентированы на смягчение отказа и на оказание эмоциональной поддержки адресату, чем русские, что проявляется в структуре отказа, в поддерживающих ходах и стратегиях вежливости. Русские письма, напротив, в большей степени ориентированы на информативность, чем на лицо и чувства адресата (особенно в отказе на просьбу), они менее эмотивны и более лаконичны.

Полученные результаты в очередной раз продемонстрировали, что ориентированность на эмоции собеседника — важная составляющая вежливого поведения, которая имеет культурную специфику. Они также согласуются с мнением А. Вежицкой о том, что русские больше ценят искренность, чем преувеличение, и в большей степени ориентируются на свои чувства, а не на чувства других (Wierzbicka, 2002).

Выявленные различия в выражении отказа позволяют сделать предположение об их системном характере. Они формируют стилистические черты, согласующиеся с доминантными чертами английского (в данном случае — англосаксонского) и русского стилей коммуникации, что вносит вклад в их дальнейшее описание и систематизацию. Полученные результаты выходят за пределы рассмотренных РА. Они открывают перспективу для сопоставительных исследований в области эмотивной вежливости и ориентированности на чувства адресата в других актах и типах дискурса, а также в других речевых жанрах и культурах.

Благодарности и финансирование. Выражаю благодарность рецензентам и авторам журнала "Russian Journal of Linguistics", которые любезно разрешили воспользоваться их письмами для данного исследования. Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Список литературы

Ионова С. В. Эмоциональные эффекты позитивной формы общения // Russian Journal of Linguistics. 2015. №1. С. 20–30.

Ларина Т. В. Этностилистика в ее коммуникативном аспекте // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2007. Т. 66, №3. С. 3–17.

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009.

Ларина Т. В. Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость в жанре английской и русской анонимной рецензии // Вопросы психолингвистики. 2019. Т. 1, №39. С. 38–57. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57>.

Леонтович О. А. Позитивная коммуникация: постановка проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2015. №1. С. 164–177.

Солодовникова Н. Г. Содержание научного направления эмотивная лингвоэкология: проблемы и перспективы // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве / под ред. В. И. Шаховского. Волгоград, 2013. С. 43–52.

Шаховский В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград, 2016.

Шаховский В. И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22, №1. С. 54–79. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79>.

Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge, 1987.

Culpeper J. Impoliteness: Using language to cause offence. Cambridge, 2011.

Deveci T., Midraj J. 'Can we take a picture with you?' The realization of the refusal speech act with tourists by Emirati speakers // Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25, №1. P. 68–88. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-68-88>.

Eslami Z. R., Larina T. V., Pashmforoosh R. Identity, politeness and discursive practices in a changing world // Russian Journal of Linguistics. 2023. Vol. 27, №1. P. 7–38. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34051>.

Goffman E. Interaction ritual: essays on face-to-face interaction. N. Y., 1967.

House J. Communicative styles in English and German // European Journal of English Studies. 2006. Vol. 10, №3. P. 249–267. <https://doi.org/10.1080/13825570600967721>.

House J., Kádár D. Cross-cultural pragmatics. Cambridge, 2021.

Iliadi P. L., Larina T. Refusal strategies in English and Russian // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2017. Vol. 8, №3. P. 531–542. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-3-531-542>.

Jannay R. W., Arndt H. Intracultural tact versus intercultural tact // Politeness in language. Studies in its history, theory and practice / ed. by R. Watts, S. Ide, K. Ehlich. Berlin, 1992. P. 21–41.

Kasper G. Politeness // The pragmatics of interaction / ed. by S. D'hondt, J.-O. Östman, J. Verschueren. Amsterdam; Philadelphia, 2009. P. 157–173.

Lakoff R. T. The logic of politeness; or, minding your Ps and Qs // Papers from the Ninth regional meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago, 1973. P. 292–305.

Larina T. Culture-specific communicative styles as a framework for interpreting linguistic and cultural idiosyncrasies // *International Review of Pragmatics*. 2015. Vol. 7, №2. P. 195–215. <https://doi.org/10.1163/18773109-00702003>.

Larina T., Ponton D.M. Tact or frankness in English and Russian blind peer reviews // *Intercultural Pragmatics*. 2020. Vol. 17, №4. P. 471–496. <https://doi.org/10.1515/ip-2020-4004>.

Larina T., Ponton D.M. I wanted to honour your journal, and you spat in my face: Emotive (im)politeness and face in the English and Russian blind peer review // *Journal of Politeness Research*. 2022. Vol. 18, №1. P. 201–226. <https://doi.org/10.1515/pr-2019-0035>.

Leech G. *The pragmatics of politeness*. Oxford, 2014.

Leech G., Larina T. Politeness: West and East // *Russian Journal of Linguistics*. 2014. №4. P. 9–34.

Litvinova A., Larina T. Mitigation tools and politeness strategies in invitation refusals: American and Russian communicative cultures // *Training, Language and Culture*. 2023. Vol. 7, №1. P. 116–130. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2023-7-1-116-130>.

Locher M.A., Larina T.V. Introduction to politeness and impoliteness research in global contexts // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Vol. 23, №4. P. 873–903. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2019-23-4-873-903>.

Malyuga E.N., McCarthy M. 2021. 'No' and 'ne' as response tokens in English and Russian business discourse: In search of a functional equivalence // *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 25, №P. 391–416. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-391-416>.

Rhee S. Politeness and impoliteness in social network service communication in Korea // *Russian Journal of Linguistics*. 2023. Vol. 27, №1. P. 39–66. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-32031>.

Selting M. *Communicative style* // *Pragmatics of interaction* / ed. by S. D'hondt, J-O. Östman, J. Verschueren. Amsterdam, 2009. P. 21–39.

Watts R. *Politeness*. Cambridge, 2003.

Wierzbicka A. Russian cultural scripts: The theory of cultural scripts and its applications // *Ethos*. 2002. Vol. 3, №4. P. 401–432. <https://doi.org/10.1525/eth.2002.30.4.401>.

Wierzbicka A. *Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction*. Berlin, 2003.

Wierzbicka A. *English: Meaning and culture*. Oxford, 2006.

Об авторе

Татьяна Викторовна Ларина, доктор филологических наук, профессор РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-6167-455X

E-mail: larina-tv@rudn.ru

Для цитирования:

Ларина Т.В. Эмотивная вежливость в лицеугрожающих речевых актах: кросс-культурный аспект // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2025. Т. 16, №2. С. 118–135. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-7.

EMOTIVE POLITENESS IN FACE-THREATENING SPEECH ACTS: CROSS-CULTURAL PERSPECTIVES

Tatiana V. Larina

RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

Submitted on 02.05.2024

Accepted on 15.01.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-7

The discursive approach to the study of politeness has expanded its scope by incorporating the hearer, in addition to the speaker, as well as the context of interaction, which determines various aspects of communication, including the emotional/emotive dimension. This article examines politeness through the prism of the emotional component of communication. It contributes to the study of emotive politeness, which focuses on the recipient's feelings, in face-threatening acts. The purpose of this study is to identify the means of mitigating refusal through emotional support to the addressee in English and Russian academic digital communication and to trace their culture-specific variability. The material consists of authentic Russian and English emails that contain a refusal to a request to write a review of an article and a refusal to an invitation to contribute to a special issue of a journal. The study focuses on the structure of refusal, the ways it is performed, supporting moves that aim to mitigate its threat, as well as combinations of these and their conventional features. Contrastive analysis draws on the main provisions of emotive lingua-ecology, cross-cultural pragmatics, the theory of (im)politeness and communicative ethnostyles. Taking into account the fact that each e-mail may have its own features, predetermined by the author's idiosyncrasy and psychological characteristics, as well as the context of the exchange, we have identified some culture-specific features. The findings suggest that English emails are more focused on mitigating refusal and its negative effect on the addressee's feelings, thereby saving face, compared with the Russian ones. This can be observed in the structure of refusal, its supporting moves and politeness strategies. The results confirm that politeness is not only a social, but also a psychological phenomenon based on empathy and tact. Emotive politeness, its manifestations and relevance may vary across cultures and are shaped by the values shared by its representatives.

Keywords: emotive politeness, face, face-threatening act, refusal, emotive sensitivity, tact, communicative ethnostyle, English, Russian

References

- Brown, P. and Levinson, S.C., 1987. *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge.
- Culpeper, J., 2011. *Impoliteness: Using Language to Cause Offence*. Cambridge.
- Deveci, T. and Midraj, J., 2021. 'Can we take a picture with you?' The realization of the refusal speech act with tourists by Emirati speakers. *Russian Journal of Linguistics*, 25 (1), pp. 68–88, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-68-88>.
- Eslami, Z.R., Larina, T. V. and Pashmforoosh, R., 2023. Identity, politeness and discursive practices in a changing world. *Russian Journal of Linguistics*, 27 (1), pp. 7–38, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34051>.
- Goffman, E., 1967. *Interaction ritual: essays on face-to-face interaction*. New York.
- House, J. and Kádár, D., 2021. *Cross-Cultural Pragmatics*. Cambridge.
- House, J., 2006. Communicative styles in English and German. *European Journal of English Studies*, 10 (3), pp. 249–267, <https://doi.org/10.1080/13825570600967721>.

Iliadi, P. L. and Larina, T., 2017. Refusal strategies in English and Russian. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (3), pp. 531–542, <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-3-531-542>.

Ionova, S. V., 2015. Emotional Effects of Positive Forms of Communication. *Russian Journal of Linguistics*, 1, pp. 20–30 (in Russ.).

Janney, R. W. and Arndt, H., 1992. Intracultural tact versus intercultural tact. In: R. Watts, S. Ide and K. Ehlich, eds. *Politeness in language. Studies in its history, theory and practice*. Berlin, pp. 21–41.

Kasper, G., 2009. Politeness. In: S. D'hondt, J.-O. Östman and J. Verschueren, eds. *The pragmatics of interaction*. Amsterdam; Philadelphia, pp. 157–173.

Lakoff, R. T. 1973. The logic of politeness; or, minding your Ps and Qs. In: *Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago, 292–305.

Larina, T. and Ponton, D. M., 2020. Tact or frankness in English and Russian blind peer reviews. *Intercultural Pragmatics*, 17 (4), pp. 471–496, <https://doi.org/10.1515/ip-2020-4004>.

Larina, T. and Ponton, D. M., 2022. I wanted to honour your journal, and you spat in my face: Emotive (im)politeness and face in the English and Russian blind peer review. *Journal of Politeness Research*, 18 (1), pp. 201–226, <https://doi.org/10.1515/pr-2019-0035>.

Larina, T., 2015. Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*, 7 (2), pp. 195–215, <https://doi.org/10.1163/18773109-00702003>.

Larina, T. V., 2007. Ethnostylistics in its Communicative Aspect. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya: literatura i yazyk* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Series: Literature and language], 66 (3), pp. 3–17 (in Russ.).

Larina, T. V., 2009. *Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikatsii: Sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvo-kul' turnykh traditsii* [Politeness and Communicative Styles: Comparative analysis of English and Russian Language and Culture Traditions]. Moscow (in Russ.).

Larina, T. V., 2019. Emotive ecology and emotive politeness in English and Russian blind peer-review. *Journal of Psycholinguistics*, 1 (39), pp. 38–57, <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57> (in Russ.).

Leech, G. and Larina, T., 2014. Politeness: West and East. *Russian Journal of Linguistics*, 4, pp. 9–34.

Leech, G., 2014. *The Pragmatics of Politeness*. Oxford.

Leontovich, O. A., 2015. Positive Communication: A Theoretical Perspective. *Russian Journal of Linguistics*, 1, pp. 164–177 (in Russ.).

Litvinova, A. and Larina, T., 2023. Mitigation tools and politeness strategies in invitation refusals: American and Russian communicative cultures. *Training, Language and Culture*, 7 (1), pp. 116–130, <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2023-7-1-116-130>.

Locher, M. A. and Larina, T. V., 2019. Introduction to Politeness and Impoliteness Research in Global Contexts. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (4), pp. 873–903, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2019-23-4-873-903>.

Malyuga, E. N. and McCarthy, M., 2021. 'No' and 'net' as response tokens in English and Russian business discourse: In search of a functional equivalence. *Russian Journal of Linguistics*, 25 (2), pp. 391–416, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-391-416>.

Rhee, S., 2023. Politeness and impoliteness in social network service communication in Korea. *Russian Journal of Linguistics*, 27 (1), pp. 39–66, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-32031>.

Selting, M., 2009. Communicative style. In: S. D'hondt, J.-O. Östman and J. Verschueren, eds. *Pragmatics of Interaction*. Amsterdam, pp. 21–39.

Shakhovskiy, V.I., 2018. The cognitive matrix of emotional-communicative personality. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), pp. 54–79, <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79> (in Russ.).

Shakhovsky, V.I., 2016. *Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krug: chelovek, yazyk, emotsii* [The dissonance of environmental friendliness in the communicative circle: man, language, emotions]. Volgograd (in Russ.).

Solodovnikova, N.G., 2013. The content of the scientific field emotive linguoecology: problems and prospects. In: V.I. Shakhovsky, ed. *Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve* [Emotive Linguoecology in the modern communicative space]. Volgograd, pp. 43–52 (in Russ.).

Watts, R., 2003. *Politeness*. Cambridge.

Wierzbicka, A., 2002. Russian cultural scripts: The theory of cultural scripts and its applications. *Ethos*, 3 (4), pp. 401–432, <https://doi.org/10.1525/eth.2002.30.4.401>.

Wierzbicka, A., 2003. *Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. 2nd ed. Berlin.

Wierzbicka, A., 2006. *English: Meaning and Culture*. Oxford.

The author

Prof. Tatiana V. Larina, Professor, RUDN University, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-6167-455X

E-mail: larina-tv@rudn.ru

To cite this article:

Larina, T.V., 2025, Emotive politeness in face-threatening speech acts: cross-cultural perspectives, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 2, p. 118–135. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-7.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))